

ФЛАГ НАД КУНСТКАМЕРОЙ

Хотите — верьте, хотите — нет: некогда и я баловался петербургским сепаратизмом. Верней — ленинградским, поскольку дело было в цветущей советской юности.

Как-то в компании собутыльников по Ленинградскому ордена Ленина имени Жданова (сокращенно — ЛОЛГУ) я поставил на обсуждение такой проект: развести мосты — Дворцовый, Лейтенанта Шмидта, Тучков и Строителей (ныне, кажется, Биржевой) — поднять над Академией Наук либо над Кунсткамерой флаг Вольного Васильевского Острова — в ту же секунду посредством «Голоса Америки» объявить на весь мир, что ВВО, добровольно присоединяясь к одной из островных держав — к Великобритании либо к Индонезии, либо к Японии, — просит ее принять ВВО под свою защиту.

Последний пункт вызвал разногласия. Кое-кто предлагал конфедерацию с Исландией либо с Мадагаскаром. Сейшельские и Антильские никому в голову не пришли — должно быть, потому, что сами тогда (1963, что ли, год) не обладали политической независимостью. По той же причине отпадали острова Пасхи, а также Зеленого Мыса.

Сейчас я и сам, пожалуй, предпочел бы Мадагаскар: в свое время этот остров едва не сделался российским владением; старая любовь не ржавеет; но, боюсь, Мадагаскару не хватило бы военного авторитета защитить Васильевский, — даже если бы нас, что вряд ли, поддержали Петровский и Елагин.

А тогда, в 1963 году, мы допили что там у нас было (наверное, болгарскую «Гамзу», трехлитровый, оплетенный бечевкой сосуд темного стекла), докурили болгарскую же «Пчелку», разошлись — и все позабыли. То есть никто не то что не настучал, а даже не проболтался — вот были люди! — по каковой причине ваш покорный слуга избежал общих работ; катался в зреющем социализме, как все равно сыр костромской в масле вологодском.

ПЛАГИАТ

Если честно, идея была не моя. Еще будучи школьником, я почерпнул ее в уборной нашей коммунальной квартиры из запрещенной пьесы расстрелянного Михаила Кольцова (если не ошибаюсь): «Сорок девятый штат». На родительских книжных полках было почему-то (ни у кого руки не дошли прополоть библиотеку) довольно много таких изданий, за которые никого из нас не погладили бы по головке, — мне, стало быть, светил интернат для ЧСВР (членов семей врагов народа), но тоже обошлось. Я читал их — как и всё подряд, — естественно, без спросу, по ночам, в сказанном помещении, на деревянном стульчаке, имея над головой тусклую зыбь стиральной доски, защищенный от внешнего мира проволочным дверным крючком.

Это помню, а сюжета пьесы не помню. Действие происходило вроде бы в колониальной стране. Там был какой-то очень отвратительный отрицательный герой — акула капитализма. И он хотел что-то оттягать у положительных героев, какую-то необычайно ценную недвижимость — допустим, участок с месторождением. И вот, когда он добился своего и зло без пяти минут победило, положительные герои вышли в радиоэфир и провозгласили этот, допустим, участок — одним из Северо-Американских Соединенных Штатов — новым, сорок девятым (а в момент сочинения пьесы их было, видимо, сорок восемь). САСШ почему-то пошли навстречу просьбам положительных, и акула вынуждена была отвалить несолоно хлебавши. Вот.

Перенести действие в устье Невы тоже догадался впервые не я, но ВКП(б) с НКВД. Они разыграли его под заглавием «Ленинградское дело» — и множество людей в 49-м (не штате, а

году), и в 50-м, и в 51-м признавались на допросах под пытками, что лелеяли мечту об отделении города трех революций от СССР.

Вероятно, Сталин тоже читал эту пьесу Кольцова (не обязательно на стульчаке) и решил приспособить сюжет к решению текущих задач.

То есть выступил, как всегда: как плагиатор-практик.

А я — как плагиатор-утопист.

БУРОЕ ЗОЛОТО

Предположим, нам с вами (условным нам с условными вами) эта условно наша затея почему-либо удалась бы. Тот же Мадагаскар добился бы через ООН гарантий нашей безопасности. К нам примкнули бы обрадованные трудящиеся массы Каменного острова и Купчина, после чего и весь город, от Смольного до спальных до окраин, стал бы условно наш. А Кронштадт и Ломоносов соблюдали бы нейтралитет. Повторяю: предположим.

Но, спрашивается, какую предложили бы мы новоявленной республике (или великому герцогству, все равно) — экономическую модель? Много ли в Петербурге производится вещей, которые могли бы пригодиться его населению? А производство на экспорт не наладить без собственных энергоресурсов, без источников сырья. Они имеются — кой-какие — в Ленобласти. Но аншлюса не допустят — опасаясь нашего усиления — завистливые Новгород и Псков; и вообще — огромный риск увязнуть в партизанской войне.

Между тем, население не может питаться одним воздухом свободы. Конечно, разведем огороды на крышах, пасеки на балконах, переоборудуем гаражи под хлева, разместим в котельных теплицы, на скорую руку возведем голубятни (тут вам и белковая пища, и беспроводная связь), — но проблемы останутся.

Правда, мы (и, кажется, как раз на Васильевском) делаем подводные лодки. Они могли бы образовать флибустьерский флот (секретная база в укромной мадагаскарской бухте) и, бороздя Атлантический и Тихий, снабжать СПб иностранными товарами.

Но это, как говорится, сопряжено и вообще чревато. Более надежной лично мне представляется другая, традиционная бюджетная статья. Мы ведь, как известно, можем спускать в Финский залив ежедневно до трех тысяч тонн сами знаете чего. А можем, щадя Скандинавию и Прибалтику, спускать только тысячу тонн или даже меньше. Если нам будут за это платить конвертируемой валютой. (Будут, как миленькие, куда денутся.) Однако сомневаюсь, чтобы даже и таким способом нам удалось обеспечить прожиточный минимум выше теперешнего. Это дорога в застой. И даже в отстой.

НЕМНОГО ГЕНЕАЛОГИИ

Есть и другие контраргументы. Согласитесь: первое условие для обретения и поддержания независимости — наличие народа. Так вот — являются ли обитатели Петербурга отдельно взятым (за руку) народом? Чувствуют ли себя таковым? Связывает ли их общность происхождения (как, скажем, нынешний *народ Крыма* произошел, после выселения коренных жителей, от военных пенсионеров и медперсонала здравниц)? Или, может быть, общность своеобразной культуры?

Полагаю, ответ очевиден. (Про культуру — промолчим, не фиг лицемерить.) Кроме штампа прописки, нас — или, по крайней мере, очень многих из нас — объединяет (и отъединяет от иногородних) разве что опыт коммуналок (думаю, ни в каком другом населенном пункте мира этот опыт не изуродовал столько душ). Ну и еще одно обстоятельство, как бы мистическое: помимо нашей воли, нечувствительно, неосознанно — скорей всего, через старую архитектуру — нам передается ужас и боль наших предместников, принявших насильственную смерть. Ведь практически в каждом старинном здании кого-нибудь убили, из каждого дома кого-нибудь увели, увезли на казнь.

Почти никто про это, конечно же, не помнит, как и про заклатье царицы Авдотьи. Мы — добросовестные обитатели выморочного жилья. Окровавленных призраков не замечаем. Но равнодушная, покорная привычка к плохим, как погода, временам — в петербургском подсознании живет.

Зато петербургское самосознание отсутствует. Откуда ему взяться? Кто воображает себя потомком первобытного человека, чью стоянку раскопали (в Лисьем, что ли, Носу) археологи незадолго перед ВОВ? Кто заявит горделиво: моя, знаете ли, прабабушка познакомилась с моим прадедушкой, играя в песочек у подножья Медного всадника? То есть заявит-то кто угодно. В наши дни в троллейбус не войдешь, не подвинув какую-нибудь столбовую дворянку. И она непременно прошипит: понаехали тут! Действительно. Петр Великий, например, был москвич. С ним понаехали всякие-разные отовсюду. Потомство этих первых горожан Зиновьев, Киров и Жданов повывезли. Романов, наоборот, позавозил ежегодно ровно по сто тысяч т. н. лимитчиков. И т. д., и т. п.

Короче, с чего бы это наш согражданин мыслил, чувствовал и вел себя не как все бывшие советские? Декорация, что ли, обязывает? И, кстати, от кого ему унаследовать этот пресловутый имперский синдром?

НЕМНОГО ПАЛЕОНТОЛОГИИ

Хотя любой генетик вам скажет: это признак не наследуемый, а благоприобретаемый. Путем обучения в специальных заведениях. И такие заведения есть в самых разных местах, и поступают в их похожие друг на дружку субъекты, а выходят — одинаковые. Все вместе они составляют как бы серое вещество — как бы субстанцию мозга империи. Потому что мозг любой империи, а также ее честь и заодно совесть — политическая полиция.

Но дело в том, что если нормальное государство подобно млекопитающему (травоядному, всеядному, хищному), то у империи совсем другая, особенная статья: она — звероящер. С массой тела такой огромной, что один мозг не справляется. Хотя образ жизни звероящера довольно прост: кто не спрятался — он не виноват.

Однако по ходу эволюции в бедняге развивается второй, периферийный мозг (в царской России, например, — литература) и начинает первому дерзить — вроде как кажет кукиш. Нет, — телепатирует, — не в тебе помещается честь-совесть, а, напротив того, во мне. Да и ум, если на то пошло.

Руководящий орган, естественно, наливается злобой — вот и весь синдром.

Болезненный, разумеется, но и с ним, ничего, живут. Пока через тысячу лет не приходит Кондратий: салют, мальчиши! Звероящеры падают с грохотом, как памятники вождям.

А наше дело — сторона. Петербург стоит себе на сваях, между которыми — косточки. Мелко-мелко так дрожит, убогий чухонец судьбы. И снится ему покой. И финиковые пальмы Мадагаскара.